

28 июля 1986 г., там же

— Перед самыми ноябрьскими праздниками мне пришлось совершить внеочередную (не на секцию) поездку в ИЗМИРАН - оппонировать на защите Татьяны Лещинской. Туда ехал поездом, дабы наверняка не опоздать - на Аэрофлот в таких случаях лучше не полагаться, тем более в это время года.

— В поезде читал интервью Рейгана, напечатанное в "Известиях", - первую и единственную в советской прессе бескупюрную публикацию высказываний президента США за все шесть лет его правления (как тут не вспомнить гневные укоризны наших политических телекомментаторов, что не все, мол, западные газеты опубликовали полностью очередную речь Михаила Сергеевича Горбачёва!).

— Интервью Рейгана заняло целую полосу, а всю соседнюю страницу занял редакционный (от имени интервьюировавших журналистов) комментарий к нему, озаглавленный "По поводу интервью Рейгана", уличающий и разоблачающий бессовестного президента. Ну, да ладно, Бог с ними, и на том спасибо, пусть хоть в десять раз больше комментариев публикуют, лишь бы давали возможность комментируемое читать.

— В самом интервью Рейгана я не нашёл для себя чего-то неожиданного. Больше всего привлёк моё внимание тот довод в пользу "Стратегической Оборонной Инициативы" (СОИ), что никакие договорённости между СССР и США не могут гарантировать, что ядерное оружие и средства его доставки не окажутся когда-нибудь в руках какого-нибудь безумца ("а мы вместе воевали против одного такого безумца"), возжелающего их использовать, и иметь надёжное средство противостоять ядерному удару всегда не помешает, раз уж есть ядерное оружие и не удаётся его ликвидировать. Запрещение применения ядовитых газов не отменяет противогазы.

— В советской прессе до сих пор этот довод вовсе не упоминался, да и в последующем, хоть бы в том же комментарии "По поводу..." обходился стороной. Разумеется, это не главный побудительный мотив для СОИ у американцев. Разумеется, они хотели бы получить военное превосходство, так же как и мы. Но они могут на это рассчитывать, а мы нет - не те времена. Советский народ, конечно (или возможно?), по-прежнему способен на массовый героизм, на самопожертвование, но не это теперь решает, а технология, организованность, всё то, в чём мы глубоко отстали.

— Мы достаточно сильны, чтобы напугать американцев, и мы их напугали. И пришли к сегодняшним взаимоотношениям. Мы сами помогли Рейгану прийти к власти и получить поддержку в конгрессе, убедив американских избирателей и конгрессменов, что с нами шутки плохи. Ракеты СС-20, Афганистан, Польша, южнокорейский самолёт - этапы этого пути. Что же теперь сетовать на невнимание к нашим мирным инициативам? Кто в них поверит, если заведомо неприемлемый отказ Рейгана от СОИ ставится предварительным условием?

— Есть только один путь предотвращения реализации СОИ - сделать её ненужной или неоправданно дорогостоящей. А значит, нужно бороться за сокращение имеющихся ядерных вооружений безо всяких предварительных условий. И единственный путь, ведущий к успеху в этой борьбе, это создание атмосферы доверия, о которой наши много говорят и ни черта не делают.

— О каком доверии может идти речь, если на каждом углу все средства массовой информации в Советском Союзе кричат об агрессивности Рейгана и всего Запада, обвиняя Рейгана в нагнетании антисоветской истерии и абсолютно не замечая своей собственной антиамериканской? Эдак до бесконечности можно препираться, а скорее, до какого-нибудь дурацкого ядерного инцидента.

— А сколько громких фраз: новый подход, новое мышление! Где они? Всё это уже было.

И даже президентов американских печатали в советских газетах, ещё Эйзенхауэра при Хрущёве. Ну, да ладно. Чего это я?

— Вернёмся к диссертации Татьяны Лещинской. Её труд оказался во всех отношениях полной противоположностью сочинению Суроткина. Толстый, под 200 страниц, ближе к докторской, чем к кандидатской по объёму, аккуратнейше оформленный, рисунки на загляденье, формулы ровненько вписаны. Обзор добросовестный, да и сама работа неплохая, скрупулёзная, тщательная.

— Результаты, правда, мелковаты, всё что-то только уточняющие, принципиальной новизны нет. И рука Михайлова повсюду чувствуется, его стиль, манера изложения, чересчур многословная, на мой взгляд. Короче, намного лучше работы Суроткина по форме, но послабее по существу. Как кандидатская диссертация вполне соответствует требованиям ВАК. Отзыв я написал, разумеется, положительный, отметив лишь многословие как недостаток. Кстати, и про байт-аут в диссертации у Татьяны было написано куда как осторожнее, не в пример её выступлениям.

— Татьяна очень волновалась, но защита прошла гладенько, проголосовали единогласно. После защиты Татьяна пригласила меня к себе домой отметить событие. Были Андрей, Юрий Кириллович Калинин (второй оппонент, что-то я часто стал с ним в паре оказываться) и подруга Татьяны - жена Синельникова.

— Татьянина мать - многоуважаемый патриарх (матриарх?) отечественной геофизики Наталья Павловна Бенькова к торжеству задержалась на партсобрании и, когда пришла, насмешила всех заявлением:

— - Первым делом после партсобрания нужно руки помыть!

— С Андреем и Калининым я договорился насчёт совместного отзыва от них на нашу монографию с Б.Е. для секции, снабдив их подробным план-проспектом и одной из готовых глав. С той же просьбой обратился и к Беньковой, она тоже обещала поддержку. А Татьяна на прощанье подарила мне томик Трифонова со "Стариком" и "Историю религиозных философий в России XX века". Нехорошо, конечно, оппоненту от диссертанта подарки принимать, но тем не менее я принял и был тронут.

На праздники собирались, как обычно, у дедули, отмечали его день рождения. Были и Ужгины, но без Димы. Его ждали, он собирался приехать на праздники, но не приехал, и телеграммы никакой не прислал, и не звонил. Тогда, седьмого, ещё думали, что он приедет, билетов, может, не достал и опаздывает.

За столом я не удержался от разговоров на темы политики и очень огорчил отца с Тамарой Сергеевной своей прорейгановской позицией, и не столько даже позицией, сколько пугающей резкостью высказываний о нашей внешней политике.

Михалыч крепко выпил (начал ещё днём) и его насильно увела жена, никого не стеснясь, хотя Михалыч вёл себя вполне прилично. Но он потом опять явился, уже к нам, и мы с ним долго спорили на кухне, влияют ли циклоны на КВ-радиосвязь, что я категорически отрицал, а Михалыч утверждал, ссылаясь на своего радиста.

Дима же позвонил только восьмого или даже девятого. Говорит, что устроился на работу санитаром и дежурил на праздниках, не отпустили, хотя сначала обещали. И что он телеграмму якобы посылал. На фига ему эта работа? С его психикой дай Бог учёбу не запустить, а он ещё работать вздумал, охламон.

И как всегда, почта для него плохо работает, его послания теряет, и телефон не соединяется...

— Через две недели после защиты Лещинской мне опять пришлось поехать в ИЗМИРАН, теперь уже по своим собственным делам - получить рекомендацию секции для издания монографии. Рекомендация, утверждённая Мигулиным, была необходима, по словам Симакова, для того, чтобы прошёл заказанный нами объём в 35 авторских листов,

превышающий допустимый (20 листов).

— Обещанные к секции отзывы от Беньковой, Михайлова и Калинина были готовы, и учёный секретарь секции, молодой, но уже крепко обюрократившийся Гена Бочкарёв зачитал их вслух. Всем присутствующим были розданы отэренные загодя экземпляры аннотации монографии, а меня попросили коротко о ней рассказать, после чего было принято решение - рекомендовать к публикации в заявленном авторами объёме, которому все дивились: эк, замахнулись!

29 июля 1986 г., там же

— Когда я заходил в ионосферный отдел к Наталье Павловне за отзывом, на меня налетел и в меня вцепился Юра Берёзин - алкоголик из лаборатории Фаткуллина, один из вернейших оруженосцев и собутыльников Николая Константиновича Осипова, соратник Коли Бобарыкина, но порядочнее, попроще, посермяжнее, "серый, как штаны пожарника".

— Он остался верным Фаткуллину в тяжёлые для того дни, когда его лаборатория взбунтовалась и большая, причём наиболее толковая её часть перешла в лабораторию Зевакиной (Ситнов, Дёминов, Павлов, Ким, Хегай), а у Марса остались только женщины, да повязанные с ним выпивками Берёзин, Козлов и Букин.

— Но Берёзин на свою беду был повязан тем же ещё и с Осиповым, который обещал Березину кандидатскую диссертацию под его, Осипова, научным руководством. Причём сошлись они давно, исключительно на почве слабости к спиртному, ещё в те времена, когда Осипов работал в ИЗМИРАНе и был в нормальных отношениях с Марсом.

— А потом Осипов с Марсом, поругавшись как-то по пьянке чуть ли не до драки, разошлись насовсем и стали лютыми врагами, не стесняясь публичных скандалов вроде того, что они затеяли в позапрошлом году в Иркутске. И бедный Берёзин оказался между двух огней: Марс - непосредственный начальник, а Осипов - научный руководитель диссертации.

— Марс требовал, чтобы Берёзин отказался от Осипова, как научного руководителя, и предлагал себя, а Берёзин отказывался, так как справедливо боялся, что этого не допустит Осипов и не даст ему защититься. Ну а Марс в отместку не выпускал Берёзина с его диссертацией никуда - ни на семинар лаборатории (а без него никуда дальше в ИЗМИРАНе не продвинешься), ни в командировки в другие организации.

— Берёзин пробовал от Марса уйти - не вышло, тот не отпускал, поскольку Берёзин хотел уйти вместе со ставкой, иначе бы его никто и не взял, кому он нужен, научный работник тот ещё, к тому же пьющий.

— Берёзин терпел, терпел и не вытерпел: решил идти в борьбу с Марсом напролом, памятуя об успехе такой борьбы своих бывших коллег и надеясь на противоалкогольный Указ, а также на то, что Марс давно уже не пользовался поддержкой дирекции из-за своих скандалов и частых пьянок.

— Сначала Берёзин обратился с жалобой на Марса в измирановский партком, но поддержки там не получил - слишком сам хорошо был известен своими пьянками с Осиповым и тем же Марсом. И тогда Берёзин пошёл ва-банк: накатав огромнейшую "телегу" на Марса в Подольский райком партии, где ИЗМИРАН числился на плохом счету, и где любили подгадить измирановскому начальству по любому поводу.

— А поводов каждый год хватало: то за границей кто-то остался, то кто-то контрабанду оттуда провёз, то кто-то своровал что-то, то кто-то служебное положение или машины измирановские использовал в личных целях, и обо всём этом доносилось в райком кляузами, и комиссии работали непрерывно, и выговора следовали замдиректорам один за другим, и всё ждали - вот Лобачевский скоро полетит, а то и Мигулин, но те, ничего, держались.

— И вот с этой-то "телегой" Березин и набросился на меня, вспомнив, видимо, мои бои с Марсом и сочтя меня поэтому если не союзником, то хотя бы сочувствующим. Я же к нему никакой симпатии не питал из-за его приятельства с Бобарыкиным и считал их обоих одного поля ягодками.

— Буквально прижав меня к стене и обдавая крепким запахом курильщика дешёвых табачных изделий, Берёзин вынудил меня посмотреть его изумительное сочинение, тесно отпечатанное на десяти машинописных страницах с авторской подписью на каждой из них.

— Чтоб ты знал, и другие чтоб знали, кто такой Фаткуллин и кто такой Берёзин! А то тебе будут говорить про меня всякое, мол, Берёзин - пьяница, а кто меня довёл до жизни такой?

— Прочитать всё послание целиком не было никакой возможности - ни времени, ни терпения не хватило бы, но и из беглого его просмотра нетрудно было уловить суть весьма тяжёлых для Марса обвинений. Состояли они в следующем.

— Во-первых, Фаткуллин - пьяница, алкоголик, пьёт на работе и вне работы.

— Во-вторых, спаивает своих сотрудников, из коих Букина довёл до смерти (тот, действительно, крепко пил и помер от сердечного приступа), а его - Берёзина - почти до алкоголизма.

— В третьих, ворует из ИЗМИРАНа всё, что ему нужно для строительства дачи, а особенно спирт, для получения которого приобрёл в лабораторию недействующую ионосферную станцию и выписывает спирт на её обслуживание, который весь забирает себе.

— В четвёртых, нещадно эксплуатирует своих сотрудников на строительстве собственной дачи, расплачиваясь выпивкой, особенно его - Берёзина, которого считает своим батраком.

— В пятых, зажимает критику, запугивает, преследует неугодных, из-за чего он, Берёзин, и молчал столько лет, боялся, а теперь видит, что всё равно ему с Марсом дальше жизни нет, и решил рассказать всю правду.

— Каждый из этих пунктов Берёзин раскрывал очень подробно, ссылаясь на свидетелей: где, когда и с кем Марс пил, что именно и сколько украл государственного добра, как заставлял на себя батрачить, что именно ему Берёзин и с кем ещё на даче делал, как конкретно преследовал за критику.

— Нападал Берёзин и на измирановский партком (в том числе и на Чмырёва, который участвовал в разборе его жалобы), не пожелавший разобраться в его конфликте с Марсом, беспринципно взирующий на всем известные пьяные выходки Фаткулина.

— Короче, поэма целая. Но что я мог Берёзину сказать? Пожелал ему успеха. А про себя подумал - поздновато, брат, ты спохватился, о своей репутации прежде надо было позаботиться, кто теперь тебя поддержит? Всякий скажет - да он сам хорош, не лучше Марса, пусть себе воюют друг с другом. У Берёзина одно оправдание, что молодой ещё сравнительно. Из райкома наверняка всё обратно в измирановский партком на разбирательство вернётся, а там у Берёзина никаких шансов. Но говорить всё это я Берёзину не стал. Зачем? Жалко стало. Пусть надеется.

— Только я от Берёзина отделался, как меня поймал другой боец за справедливость - Андриюша Михайлов. А этот всё с Мишей Власовым борется. Поверженный в 81-м году Власов вновь вылез со своей докторской диссертацией. Передельывать её он не стал, а сменил только специальность и собирался теперь защищаться не по геофизике, а по физике и химии плазмы в НИИЯФе МГУ, заручившись там чьей-то поддержкой.

— От Данилова Власов почти сразу после первой своей неудачной попытки защититься ушёл и работал теперь там же в ИПГ, но в другом отделе - у Тулинова. Я его не встречал нигде уже давно, года с 1983-го, кажется, когда он приезжал на семинар по прогнозированию, если не ошибаюсь. Может, его и там уже не было.

— Данилов и Михайлов считали, что защите Власова и в этот раз нужно воспрепятствовать во чтобы то ни стало и всячески агитировали принять участие в этом деле и меня, расписывая, какой Власов нехороший, и как он станет опасен, если будет доктором.

— Я не проявлял особого энтузиазма встать в ряды борцов в данном случае. Мне казалось, что Власов уже наказан достаточно предыдущей неудачей. Конечно, он нахал, преувеличивает свои заслуги, но всё же по уровню квалификации доктору наук, по-видимому, соответствует. Ни диссертации, ни автореферата его я не видел (странно, что он мне-то не послал, у нас с ним были вроде бы нормальные взаимоотношения) и критиковать их поэтому не могу - не со слов других же это делать.

— Автореферат диссертации Власова вообще оказалось трудно достать. Из геофизиков он послал только Беньковой, даже в измирановскую библиотеку не послал. Андрей обещал мне дать почитать автореферат, который он сам взял у Натальи Павловны.

— Но меня отталкивало в борьбе с Власовым ещё и то, что возглавлял эту борьбу Данилов, который Власова выпестовал, сам создал бум вокруг его работ, делал ему рекламу, давил с помощью Власова Михайлова, а теперь с помощью Михайлова давит Власова из-за того, что тот вырвался из-под его контроля и стал неуправляем.

— А с третьей стороны Данилов поддерживал меня в борьбе с Фаткуллиным и наверняка рассчитывал теперь на мою поддержку, отказ в которой мог бы расценить как мою неблагодарность.

— И вот Михайлов, узнав, что я в ИЗМИРАНе, специально приехал сюда из Москвы и привёз мне автореферат диссертации Власова, чтобы я написал на него отзыв - отрицательный, разумеется.

30 июля 1986 г., там же

— Мишин автореферат произвёл на меня достаточно сильное впечатление тем нахальством, с которым были сформулированы основные результаты диссертации. Он-де построил теории электронного и колебательного возбуждения атмосферных молекул (что на самом деле было сделано задолго до него усилиями нескольких десятков исследователей, преимущественно зарубежных).

— Он-де развил принципиально новый подход к проблеме ионосферного прогнозирования, основанный на физическом моделировании ионосферы (которым он сам никогда не занимался, только Колесника эксплуатировал, а модели и без него в прогнозировании используют, или говорят, что надо использовать).

— И так далее, и тому подобное. Сплошные приписки, в которых тонут конкретные результаты, полученные непосредственно им самим. Да, теперь понятно, отчего общественность так на него ополчилась. Даже о видимости приличия не позаботился.

— - Ему об этом ещё четыре года назад говорили, а он ни одной формулировки не переделал! - возмущался Михайлов и требовал, чтобы я, не откладывая, написал отзыв - это, мол, мой моральный долг.

— - Но, Андрюша, прямо сейчас я не могу, у меня здесь куча дел. Наспех писать - только повредить делу. Тут не эмоции нужны, а аргументированная критика его положений. Причём Учёный Совет не воспримет, если будет одна ругань. Нужно чётко сформулировать, что он на самом деле сделал, а что приписал себе или преувеличил. А это надо тщательно продумать.

— - Да ведь времени мало осталось, защита через две недели. Если ты будешь писать дома, отзыв просто не успеет дойти! Его ведь заверить здесь ещё надо.

— - Ну, давай, я возьму автореферат и попробую сегодня вечером в гостинице отзыв составить, а завтра утром передам его Татьяне.

— На том и порешили.

— Но в гостиницу вечером я явился совершенно разбитый бегом по ИЗМИРАНу и беседами с Коломийцевым и Лобачевским - конец года и не просто конец года, а конец пятилетки. Тут и отчёт за год, и отчёты за всю пятилетку, и планы на следующий год и на всю пятилетку, заявки на штаты и оборудование, на ЭВМ и прочее, и т.д., и т.п.

— Обещанных Кевлишвили ЭВМ пока так и нет, но и отказа нет. Более того, эта тематика (искусственные возмущения верхней атмосферы) планируется как главная в бюджетных работах подразделений ИЗМИРАН, курируемых Лобачевским, на всю

пятилетку. Готовится специальное постановление правительства, по которому будут выделены огромные средства, и в том числе на капитальное строительство в Калининграде, на расширение штатов, на ЭВМ и т.п.

— Короче, голова шла кругом и захватывало дух, хотя интуиция подсказывала, что все эти прожекты лопнут как мыльный пузырь. И вечером в гостинице всё это обсуждалось и муссировалось со всех сторон между Ивановым, Саенко и мной, а переключиться на автореферат Власова у меня не было ни сил, ни настроения, ни желания, и я отложил это дело на утро, на свежую голову.

— Но и к утру у меня энтузиазма не прибавилось. Ну его к чёрту! На фига мне это нужно? Что там без меня бойцов не хватает? Неудобно, конечно, перед Михайловым - он ведь только что для меня отзыв на нашу монографию написал по моей просьбе, а я отказываюсь от почти обещанного уже отзыва. Но нет сил никаких. Это же нельзя тяп-ляп делать.

— Обойдутся Андрюша с Даниловым без меня. Андрюша, небось, от того такой активный в этой борьбе, что не может простить Власову как тот его топтал и препятствовал его защите. У меня же такой злости нет, где-то даже жалко Власова, а без злости попробуй отрицательный отзыв написать!

— Так, промаявшись всё утро и ничего не сочинив, я пошёл к Татьяне вернуть ей автореферат, но не застал на месте и отнёс автореферат Наталье Павловне, попросив её передать Михайлову, что просьбу его - написать отрицательный отзыв о диссертации Власова - я выполнить не смог.

— И я скажу Вам, Александр Андреевич, - почему-то шёпотом сообщила мне Наталья Павловна, - правильно Вы сделали, ни к чему вовсе эта кровожадность, помучили Власова уже и достаточно.

— Мне пора уже было ехать в аэропорт, но я на всякий случай ещё разок заглянул к Татьяне. В этот раз она оказалась на месте. Я рассказал ей о своей капитуляции и о реакции Натальи Павловны.

— Ты знаешь, Саша, я тоже так считаю. Андрей слишком жесток. Но я не могу его переубедить. Кстати, он звонил сегодня утром и просил меня передать тебе, что ты можешь написать отзыв и дома, а переслать с проводником поездом - я встречу.

— Не буду я ничего писать, я уже автореферат вернул Наталье Павловне. А тебя не видел, и ты мне ничего не говорила. Ладно?

— Ладно. Договорились.

— И я уехал, подумав с облегчением, что окончательно разделался с этой проблемой. Ан нет! Оказалось, что от Андрюши так просто не отделаешься. Он достал меня в Калининграде. По телефону.

— Ты что же это, братец, манкируешь? Нехорошо. Давай срочно пиши отзыв и отправляй с проводником поездом, я сам встречу, сообщи только какой вагон.

— Но у меня нет автореферата!

— Ты и так всё помнишь.

— Ладно, чёрт с тобой. Попробую.

— Ну, куда от него денешься? Пришлось сесть и написать. Отзыв получился коротким и лишь о том, что меня действительно возмутило - о приписках в автореферате, о несоответствии формулировок фактически полученным результатам, оставляя в стороне вопрос о достоверности и значимости этих результатов. Никаких выводов - достоин, недостоин докторской степени - я не стал делать, только высказал протест против некорректных формулировок.

— Как проходила защита - я не знаю, про подробности не расспрашивал. Слышал, что Данилов с Михайловым собрали девять отрицательных отзывов от геофизиков, включая мой (по-видимому, самый мягкий), выступали сами, но должного впечатления не произвели: против проголосовали только два члена Совета, кажется. Данилов, правда,

надеялся ещё, что ему в ВАКе удастся притормозить решение Совета. Меня это уже вовсе не интересовало.

(продолжение следует)

[Главная страница](#)

[Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)